

Портрет

На плите в большой кастрюле что-то булькает. «Познакомься: это Валя, наш повар». Вдоль стены в длинный ряд выстроена сменная обувь. «Ноги вытира- ла?» Уютно. Пахнет по-домашнему, а в столешнице — свежей стружкой. В павиль- оне («Только осторожно: идет съемка!») — макет матушки-Росси: дороги, одинокий покосившийся крест, лужи, алкаши и длин- норукий Ваня — пластилиновый герой будущего мультфильма. На двери прези- дента — газетная вырезка: «Выкрутасы великого мастера».

Давным-давно Гарри Бардин был ак- тером. Потом — режиссером в театре Обрзцова, где вместе с ним ставил спектакль «Дон Жуан — 75». После этого ушел в мультипликацию и работал на «Союзмультфильме», где снял «Брэк», «Бан- кет», «Выкрутасы», «Конфликт», «Доро- жную сказку» и за все это и многое другое получил массу призов на многочислен- ных фестивалях. А его фильм «Серый волк энд Красная шапочка» рассматривался в свое время в номинации на «Оскар».

Фильмы Бардина — «спички, пласти- лин, веревки, проволока, опять пластилин — главное, что это — объем», в котором он чувствует себя «очень уютно».

Три года назад именитый режиссер Гарри БАРДИН ушел с «Союзмультфиль- ма» и организовал собственную студию «Стайер».

— Гарри Яковлевич, почему вы ушли с «Союзмультфильма»?

— Я не люблю касаться этой темы. Обиды я не держу, но атмосфера была такая, что не предполагала дальнейшего моего пребывания в стенах этой киносту- дии. Я ушел — и ушел. Закрыл дверь за собой. Не хлопал дверью. Тихо ушел. И, как оказалось, вовремя. Это был шаг предостережительный.

Сейчас студию выгоняют из церкви на Арбате, где она размещалась. Конеч- но, это досадно. Мультипликаторы про- работали там много лет и не повинны в перегибах большевистского режима. Я, естественно, им сочувствую. Так вот, если бы я тогда не ушел, то стал бы по сути дело безработным режиссером.

— У вас здесь и столярная, и слесар- ная мастерские, павильоны, просмотров- ый зал, даже зимний сад и столовая с поваром. Не мастерская, а настоящая киностудия. Как вам это удалось?

— Начинали с нуля. Рассчитывали только на себя. Команда дружная — из расчета 12 человек за обеденным сто- лом. С этой командой я снял уже не один фильм.

С того момента, как я ушел с «Союз- мультфильма» и до киностудии в ее сегод- няшнем виде прошли мучительные для нас 3 года. Помещение мы получили по решению московского правительства и, в частности, Юрия Лужкова. Это было сложно. Но я могу сказать, что ни рубля взятка не давал. Все было добыто честно. Конечно, приходилось сталкиваться с трудностями муниципального характера, но я понимал, что должна быть или киностудия, или кустарная, сделанная на 1-2 года контора — но тогда не имело смысла за это браться. Если делать, то делать по-настоящему настоящую киносту- дию.

— Сколько картин вы уже сняли на своей студии?

— Пока снимали только рекламу. А из картин — начинаем «Кота в сапогах». Подготовительный период идет уже боль- ше года, потому что проект требует тщательной проработки.

— Кто занимается поиском реклама- дателей?

— Мы связаны с рекламным агентст- вом, которое нам предлагает заказы.

— Много заказов?

— Пока мы не можем много взять.

Иногда, порционно, мы снимаем рекла- му, не прекращая работы над фильмом. Кроме того, что попало мы не берем — только то, что никто лучше нас сделать не сможет — объемную мультипликацию или перекладки. Нельзя сказать, что мы за счет рекламы просто обогащаемся. У нас все идет в фонд развития. Мы себе во многом отказываем, чтобы приобрести камеры, осветительную аппаратуру.

— Выходит, студия целиком построе- на на деньги, которые вы зарабатываете сами?

— А я похож на вора?

— У вас нет спонсоров?

— Нет. И не было. Но в самом начале одна крупная юридическая контора дала нам беспроцентный кредит на ремонт помещений. Мы вернули эти деньги через 2 года. По сути, это было чистой воды меценатство. Они с пиететом отнеслись к моему имени.

Нет, что я спекулирую на этом. Ведь я не для себя прошу. Я выбиваю для киностудии, для моего коллектива. А это — святое. Ради этого я готов пойти на любое унижение, я человек в этом смысле не гордый.

— Гарри Яковлевич, сколько сегодня стоит ваш фильм?

— Дорого — порядка 120 миллионов 3 части. Когда мы начинали, то думали, что уложимся в 36-38 миллионов, а сей- час уже 40 миллионов стоит одна часть. А фильм постановочный. Если говорить применительно к игровому кино — это «Война и мир» Бондарчука: огромное количество персонажей, очень большие макеты, мощные интерьеры. Это должен быть, несмотря на наше бедное время, роскошный фильм.

Записана хорошая музыка, хороши- ми должны быть декорации и звук. И снимаем на хорошей пленке. Все это

требует, конечно, денег.

Но, с другой стороны, я понимаю, что мультипликация не жива одним днем. Наше счастье в том, что мультипликация — долгожительница в отличие от игрово- го кино.

— «Кот в сапогах» уже точно получит «Оскара»?

— Я не ставлю себе такой задачи. Работаем за удовольствие, за счастье обретения материала. Так было и много лет назад, когда я только пришел в мультипликацию. Призы здесь не играют роли. Они — вещь хорошая, это подтвер- ждение классности, подтверждение того, что твой труд оценен по достоинству. Их было много — 27 или 28 международных, включая и российскую «Нику», и «Золо- тую пальмовую ветвь» Каннского фести- валя. Но без кокетства могу сказать, что режиссер, начиная новый фильм, должен забыть все, что делал до этого. И уж тем

более забыть о призах, и просто идти вперед, не думая о последствиях.

— Несмотря на то, что вам удается зарабатывать деньги, вы все-таки проси- ли помощи у Роскомкино?

— Да. Роскомкино финансирует «Кота в сапогах». Сейчас идут переговоры о том, чтобы они пересмотрели договор, потому что мы просто остались без денег — все, что было, уже вложено в эту картину. 3 миллиона стоило только за- писи музыки. И пленку нужно купить уже сейчас.

— Все вопросы, связанные с деньга- ми и организацией, судя по всему, лежат на вас?

— Я никогда бы раньше не подумал, что мне придется заниматься не чистой режиссурой. Меня никогда не интересо- вало структурирование киностудии, фи- нансирование, экономика, юридическая и хозяйственная деятельность. Я наивно

полагал, как всякий советский человек, что прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете, и, самое желанное, — бес- платно покажет кино! Но потом я понял, что «никто не даст нам избавленья». И поэтому, сменив 4 или 5 генеральных директоров, которые должны были взять мою головную боль на себя, получая при этом не такие уж большие деньги, я был вынужден организовать товарищество с ограниченной ответственностью, стать его президентом и взять на себя заботы уже обо всем: и доставало, и толкало... И немножко режиссуры. Немножко, потому что забот стало больше. Зато я отвечаю за все. Я не жалею. Мне это интересно. Я человек азартный.

— Вам приходится пользоваться услу- гами других студий?

— Нет. Фильм снимается на нашей студии целиком и полностью, только за- писи звука — на «Мосфильме» и обработ- ка пленки — в лаборатории ТВ. У меня здесь нет лаборатории и тон-ателье. А съемка, просмотр материала, монтаж, подготовка декораций, подготовка бута- фории, кукол — вся эта огромная работа делается в стенах нашей студии.

— И ей занимаются 12 человек?

— Конечно. Но дело в том, что каждый из этих 12 человек держит в руках 2-3-4 профессии. Нашего оператора мы шути называем «сварщик». Сварщик и — по совместительству — оператор. Пото- му что чего он только не делает. А больше всего обожает электросварку. Как только свободная минута, он щиток на лицо и «жужжит». Рукастые люди со- брались. Ну, и головастые.

— У вас нормированный рабочий день?

— Как сказать. Я в общем-то демок- рат. Но в жесткой упаковке.

— Сделал дело — гуляй смело?

— Да. Но, я считаю, в кино вообще продуктивными могут быть только 6 часов работы. Когда работа становится мукой и не приносит радость — это бессмыс- лца. Здесь должно быть уютно, чисто, как на корабле. Сытно. Гостеприимно. Но, конечно, чтобы метраж шел при этом.

— Чем в принципе отличается «Стой- ер» от «Союзмультфильма»?

— Чистотой.

— ?

— Во всех отношениях.

— Может, нашей мультипликации бу- дет лучше, если «Союзмультфильм» рас- падется на отдельные студии?

— Сейчас в «Союзмультфильме» как в капле воды отражается наше разбega- ющееся государство. Каждый, как во времена удельных княжеств, решил, что он может прожить в одиночку. Думаю, что со временем студии будут соединяться снова, потому что на самом деле развал «Союзмультфильма» — трагическая веха в истории российской мультипликации. «Союзмультфильм», который вырастил много кадров, создал массу фильмов, которые занимали самые высокие ступе- ни на самых престижных фестивалях, гибнет на глазах. Его руководители в свое время не подготовили новые кадры, не удержались на плаву в атмосфере рынка, не вели планомерную политику выживания — соразмерно занимаясь рекламой и коммерцией, но при этом выдерживать направление, не терять тра- диций, поддерживать лабораторные ус- тремления, финансировать их, искать и находить спонсоров.

Сейчас они в основном, как и в сторону, надеются на Роскомкино. Ро- скомкино — на госбюджет. Госбюджет замыкается на Черномырдине. Но на Черномырдина культуре рассчитывать не приходится. Рассчитывать нужно в таком случае только на себя.

— У вас есть грандиозные планы относительно будущего? Может быть, расширить студию?

— Нет. Я бы хотел стариться вот тут и вот так. Потому что те, кто со мной работают — это мои не то, чтобы колле- ги, но соавторы. А соавторов может быть 5 человек, 6 человек, 12 человек. Но 50 человек соавторов уже быть не может. Дальше начинается большое погонное производство. А мне этого делать не хочется. Мне хочется сохранить свой стиль. Может быть, со временем, я кого- нибудь и буду обучать на основе того, что уже достигнуто. Это не исключено. А еще какие-то группы, режиссеры — ду- мою, что нет. Пока моей головы хватает на все это. Когда не будет хватать моей головы, тогда, не ампутируя собственной, призову другую.